

На правах рукописи

Поликарпов Сергей Сергеевич

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ
КАРТИНЫ МИРА ДРЕВНИХ ИНДИЙЦЕВ
(ПО ЭПОСАМ «МАХАБХАРАТА» И «РАМАЯНА»)**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Ярославль
2019

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

Научный руководитель: Доктор исторических наук, профессор
Перфилова Татьяна Борисовна

Официальные оппоненты: **Мухин Андрей Сергеевич**
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры музеологии и
культурного наследия ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский
государственный институт культуры»
Кочеляева Нина Александровна
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник отдела разработки
и апробации методик
кинопросвещения ФГБОУ ВО
«Всероссийский государственный
институт кинематографии имени
С. А. Герасимова», г. Москва

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет»

Защита диссертации состоится «25» октября 2019 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.307.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльная набережная, д. 66, ауд. 307.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1 и на сайте - <http://yspu.org/>

Отзывы на автореферат присылать по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. Диссертационный совет Д 212.307.04.

Автореферат разослан « » сентября 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат искусствоведения

Д.Ю. Густякова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Потребность в обращении к комплексному анализу пространственно-временных аспектов диктуется парадигмальной трансформацией современного историко-культурного знания, которое все больше ориентируется на системное изучение комплекса коллективных проекций мироздания, предопределяющих социокультурную динамику общества¹. Исследование пространственно-временных представлений древних индийцев приобретает особый интерес, так как позволяет не только объяснить причины уникальности культуры Древней Индии, но и пересмотреть традиционную точку зрения о том, что специфика древнеиндийской цивилизации коренится исключительно в религиозно-философских воззрениях индоарийского населения Индостана.

Актуальность работы также определяется особенностью организации современной научно-исследовательской деятельности, ориентированной на междисциплинарный дискурс. Характеристика пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев без учета эпистемологического потенциала и исследовательских традиций человеко- и обществоведческих дисциплин нивелирует возможность адекватного познания базовых категорий древнеиндийской картины мира – пространства и времени, являвшихся центральными показателями физического и духовного бытия человека (как «коллективной личности») Древней Индии и ключевыми, структурообразующими параметрами ее культуры.

Кроме того, значимость изучения пространства и времени обусловливается потребностью, прежде недостаточно реализованной, верифицировать в проблемном поле историко-культурного дискурса древних и раннесредневековых обществ концепт «картина мира». Конкретизация дефиниции, содержания и структуры данной научной категории способствует использованию ее эвристического потенциала для выявления и систематизации универсальных и уникальных образов природного и социального универсума, зафиксированных поэмами «Махабхарата» и «Рамаяна», и на этой основе – обоснованию истоков цивилизационной самобытности и культурной неповторимости Древней Индии.

Проблема исследования состоит в концептуализации пространственно-временных представлений древних индийцев через научное понятие «картина мира». Интегративный характер данного понятия позволяет изучать сложные социально-психологические реакции, к числу которых принадлежит восприятие пространства и времени, в их системности и целостности с учетом значимых для междисциплинарного дискурса подходов: историко-культурного, социокультурного, философско-

---

¹ Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. – М., 2014. – С. 261.

антропологического, социально-психологического, лингвистического. Применение этих подходов к изучению пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев (по эпосам «Махабхарата» и «Рамаяна») дает возможность проакцентировать в интегративном поле исследования культурологическую доминанту.

Объектом исследования является картина мира древних индийцев.

Предмет исследования составляют пространственно-временные аспекты картины мира древних индийцев (по эпосам «Махабхарата» и «Рамаяна»).

Хронологические рамки научной работы соответствуют условным границам письменного бытования национального эпоса Индии. Нижняя хронологическая граница сочинения приходится на середину I тысячелетия до н. э. – в это время началась письменная фиксация «Махабхараты» и «Рамаяны». Верхняя временная граница соотносится с началом I тысячелетия н. э., а точнее – концом II – началом III в. Именно с этим рубежом современные литературоведы и санскритологи связывают окончательное формирование сюжетно-эпических форм «Махабхараты» и «Рамаяны»².

Территориальные границы, прочерченные в рукописи, детерминированы ареалами расселения индоарийских племен, в среде которых, по мере продвижения с северо-запада Индостана на восток (бассейн реки Ганг) и юг, а также в процессе культурных контактов с автохтонным населением создавался древнеиндийский эпос.

Материалом исследования послужили нарративные источники Древнего мира, в которых мы выделили две группы:

1. *Эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна»:*

– «Махабхарата» состоит из восемнадцати книг и содержит семьдесят пять тысяч двустиший. Письменное оформление поэмы началось в середине I тысячелетия до н. э., а завершилось в первые столетия н. э. (III в.)³. Книги II–XI обогащают наши представления об универсальности пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев: в них обнаруживаются географические, политические и духовно-нравственные противопоставления «своей», освоенной, территории и «чужих», неизвестных, земель. Кроме того, в названных книгах встречается информация о ритуальных измерениях пространства по сторонам света. Книги I, III, X и XII использовались нами для характеристики уникальных космогонических и космологических представлений древних индийцев, а также для выявления локальных моделей организации и направленности временного потока.

---

² Thapar R. Time as a Metaphor of History: Early India. – Delhi, 2000. – P. 36.

³ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. – М., 1974. – 18.

Важно заметить, что «Махабхарата» представляет собой многослойный свод эпических повествований, характеризующих историко-культурную среду Древней Индии. Это учитывалось нами при анализе динамики онтологических представлений автохтонного и индоарийского населения Древнего Индостана.

– «Рамаяна» состоит из семи книг и двадцати четырех тысяч стихов. Письменное бытование поэмы началось еще в середине I тысячелетия до н. э., а в начале I тысячелетия н. э. (конец II – начало III в.) она приобрела достаточно устойчивую сюжетно-эпическую форму⁴. «Рамаяна» является многослойным, но при этом целостным литературным произведением. Поэтому сведения об универсальных и уникальных способах восприятия пространства и времени можно обнаружить как в ранних, так и в поздних пластах поэмы, состоящей из семи книг.

Тем не менее, в ракурсе данного исследования особую ценность для нас представляли книги I–III, которые, с одной стороны, дополняли и расширяли сведения «Махабхараты» об уникальности пространственно-временных измерений мироздания, а, с другой – уточняли и конкретизировали содержащуюся в ней информацию об универсальных механизмах восприятия окружающего мира. Помимо этого, «Рамаяне» (книги I и IV) удалось зафиксировать широкий спектр религиозно-философских традиций толкования эмпирической действительности, в том числе и тех, которые, подобно джайнизму и буддизму, на момент письменной фиксации поэмы не получили официального статуса святости. Содержательное многообразие эпоса использовалось нами для верификации уникальных аспектов пространственных представлений древних индийцев.

2. *Разножанровые нарративные источники* индоевропейского («Антидэвовская надпись» персидского царя Ксеркса, «История» Геродота, «Труды и дни» Гесиода, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха), семитского (древнеегипетские «Анналы» фараонов III–V династий и повесть «Сказ потерпевшего кораблекрушение», вавилонское теокосмогоническое сказание «Энума Элиш», аккадская поэма «Эпос о Гильгамеше») и китайского («Хроники» Чжан Цаня) происхождения.

Несмотря на то, что данные тексты создавались в различных историко-культурных контекстах и хронологических координатах, мы полагаем, что они раскрывают глубинный опыт взаимодействия с окружающим миром, который был свойственен многочисленным народам древности: грекам и персам, римлянам и египтянам, евреям и китайцам.

Завершая обзор материалов исследования, отметим: источники индоевропейского, семитского и китайского происхождения, синхронно изученные с национальным эпосом Индии, позволяют проакцентировать

---

⁴ Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса. – М., 1975. – С. 122.

универсальность пространственно-временных представлений древних индийцев. В свою очередь, эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна» дают возможность проанализировать специфические ракурсы восприятия пространства и времени, которые были характерны для народов Древнего Индостана в середине I тысячелетия до н. э. – начале I тысячелетия н. э.

Целью работы является изучение пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев (по эпосам «Махабхарата» и «Рамаяна»).

Данная цель предполагает постановку и решение следующих **задач**:

1. Обосновать теоретико-методологическую базу исследования пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев.
2. Определить универсальную парадигму пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев.
3. Выявить уникальную парадигму пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев.

Теоретико-методологическая основа исследования. Междисциплинарный характер работы обусловил оперирование комплексом общенаучных методов исследования, основанных на анализе, синтезе, сравнении, классификации, типологизации, индукции, дедукции. Среди специальных методов важное место принадлежит культурологическим (культурно-исторический, культурно-антропологический) и историческим (историко-генетический, историко-системный, компаративный) методам. В работе также актуализированы методы лингвистического и текстологического анализа, интерпретационные и селективные процедуры, приемы экстраполяции и герменевтики.

Центральными категориями исследования явились концепты «картина мира», «пространство» и «время». Их анализ и осмысление были эвристично сопряжены с актуализацией идей и учетом научных традиций, сложившихся в социальной и экзистенциальной философии (Э. Кассирер, М. Хайдеггер, О. Шпенглер); культурологии (Г. Д. Гачев, Т. С. Злотникова, Т. Ф. Кузнецова, Ю. М. Лотман), истории (А. Я. Гуревич, Г. С. Кнабе, Ж. Ле Гофф), когнитивной и глубинной психологии (А. Н. Леонтьев, Ж. Пиаже, З. Фрейд, К. Г. Юнг), лингвистике (А. Вежбицкая, Т. В. Цивьян).

Принципиально важными для нас являлись научные рефлексии представителей культурфилософского дискурса социокультурных исследований (К. Гирц, Э. Кассирер), основоположников философско-антропологических представлений (А. Гелен, Х. Плеснер, М. Шелер), ведущих специалистов в области культурной антропологии (А. В. Азов, И. А. Едошина, Е. А. Ермолин, Т. И. Ерохина, Т. С. Злотникова, Т. Б. Перфилова).

Значимыми для данного сочинения стали многоплановые интерпретации концептов «картина мира», «менталитет» и «мировоззрение» (Г. Д. Гачев, А. Я. Гуревич, И. В. Кондаков, Ж. Ле Гофф); опыт толкования понятий «миф» и «мифологический тип мышления» (К. Леви-Стросс, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров, М. Элиаде, К. Г. Юнг); традиции понимания термина «хронотоп» (А. С. Ахиезер, М. М. Бахтин, Н. Н. Лётина) и категории «парадигма» (П. С. Гуревич, Л. Г. Ионин, Т. Кун, С. А. Токарев).

Таким образом, исследование основывалось на теоретико-методологической базе современного социально-гуманитарного знания в его историко-культурной направленности с акцентуацией культурологического, философского, исторического, психологического и лингвистического эпистемологического потенциала.

Степень научной разработанности проблемы:

1. Первую группу исследований составили *работы, посвященные изучению пространственно-временных представлений народов Древнего мира и Раннего Средневековья.*

В эту группу, основу которой составили классические труды по проблемам раннесредневекового менталитета Ф. Арьеса, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Э. Леруа Ладюри, Л. Февра и других, мы также поместили исследования архаических идей и представлений о мироздании И. П. Вейнберга, А. Я. Гуревича, В. Б. Иорданского, И. С. Клочкова, Г. С. Кнабе, И. С. Кона, Е. М. Мелетинского, А. В. Подосинова, Г. Франкфорта и других.

Как показывает анализ работ перечисленных авторов, все ученые уделяли первостепенное внимание универсальным способам восприятия окружающего мира: и пространство, и время выражались в координатах образности, метафоричности, аксиологической неравноценности и предметно-событийной конкретности. Методологическую основу работ составили не тождественные, но схожие по содержанию понятия «менталитет», «модель мира» и «картина мира».

2. Вторую группу исследований сформировали *публикации, посвященные изучению древнеиндийской цивилизации (в том числе, мировоззрению и менталитету народов индийского субконтинента).*

В выбранных нами ориенталистских сочинениях Р. Генона, Д. Косамби, В. Лала, М. Мюллера, А. М. Пятигорского, С. Д. Серебряного, С. Уолперта, Ф. И. Щербатского, Г. Эллиотта, М. Элфинстона и других основной акцент делался на выявлении устойчивых показателей национального характера древних индийцев. Вследствие этого пространство концептуализировалось категорией синкретизма; время соотносилось с идеей «пустотности».

Иной научной стратегии придерживались М. Альбанезе, А. Бэшем, Е. Ю. Ванина, И. П. Глушкова, У. Мортимер и другие, которые оценивали онтологические представления древних индийцев с точки зрения новой

культурной истории, делавшей акцент на изучении менталитета. Ученым данного направления удалось установить, что индийский менталитет основывается на ощущении беспредельности пространства и бесконечности времени. Поэтому его главными характеристиками являются квинетизм, созерцательность, внутренняя безмятежность, ориентация на потусторонний мир, жажда духовных трансформаций.

В работах А. Ч. Банерджи, Г. М. Бонгард-Левина, Н. Р. Гусевой, А. М. Дьякова, Е. М. Медведева, Д. П. Мукерджи, Г. Ф. Ильина и других была актуализирована марксистская модель пространственно-временных ориентиров народов индийского субконтинента, которую в сжатом виде можно представить следующим образом: на стадии присваивающего хозяйства народы Древнего Индостана воспринимали окружающий мир дискретным и качественно неоднородным; на стадии производящего хозяйства – гомогенным и бесконечным.

3. Третью группу исследований образовали *работы, затрагивающие проблему пространственно-временной направленности сюжетов «Махабхараты» и «Рамаяны».*

В данном случае особое значение для нас имели исследования Я. В. Василькова, П. А. Гринцера, Р. Н. Дандекара, С. Л. Невелевой, Р. Тхапар, А. Хольцмана, Д. Шулмана, Г. Якоби и других.

Оставляя за пределами своего внимания категорию пространства, ученые III группы делали акцент на изучении эпического образа времени с точек зрения его структурных особенностей, исторического измерения и архетипического наполнения. В свете подобных методологических установок время всегда эксплицировалось в амбивалентных, нередко противоречивых координатах: одни ученые представляли его замкнутым, дискретным и антиисторичным (Я. В. Васильков, П. А. Гринцер, Р. Н. Дандекар и др.); другие – выявляли его однородность, бесконечность, линейность и, как следствие, подверженность историческому измерению (С. Л. Невелева, Р. Тхапар, Д. Шулман и др.).

Подводя итог историографическому анализу, детализации которого посвящен параграф I.2, можно констатировать, что пространственно-временные аспекты картины мира древних индийцев являются актуальной проблемой историко-культурного знания. Однако она не получила комплексного, системного освещения и не стала предметом специального исследования. Кроме того, остается немало дискуссионных вопросов: о целесообразности применения концепта «картина мира» к социально-психологическим рефлексиям человека Древнего мира и Древней Индии в частности; о формировании пространственных представлений и направленности временного потока в «Махабхарате» и «Рамаяне», решение которых предлагается автором работы.

Гипотеза исследования базируется на ряде предположений:

1. Концепт «картина мира» как интегративная научная категория необходим, прежде всего, для адекватного познания системы представлений о природном и социальном универсуме «традиционных» обществ, где на архетипические основания наслаивались новые способы религиозно-философского освоения наличной действительности.

2. Культурная самобытность народов Древнего Индостана не исключала ориентации их картины мира на комплекс универсальных способов восприятия и осмысления пространства и времени, характерных для всех народов Древнего мира.

3. Истоки индийского менталитета с его созерцательностью, квиетизмом, конформизмом и ориентацией на духовный мир (в ущерб практическим знаниям) коренятся в уникальности пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев, зафиксированных поэмами «Махабхарата» и «Рамаяна».

Научная новизна настоящего сочинения заключается в следующем:

– произведен разносторонний анализ пространственно-временных образов «Махабхараты» и, что особенно важно, «Рамаяны» (нередко определявшейся лишь смысловым слепком первого эпического памятника⁵) в историко-культурном, социокультурном, философско-антропологическом, социально-психологическом, лингвистическом аспектах;

– впервые на основе эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна», а также источников индоевропейского, семитского и китайского происхождения выявлена и охарактеризована универсальная парадигма пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев;

– впервые определена и эмпирически обоснована (материалами национального эпоса Индии) уникальная парадигма пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев середины I тысячелетия до н. э. – начала I тысячелетия н. э.

Теоретическая значимость работы обусловлена верификацией концепта «картина мира» как определяющего инструмента научного поиска специфики цивилизационного развития и своеобразия культуры в доиндустриальных обществах. В рамках междисциплинарного подхода обоснована идея о том, что концепт «картина мира», фиксирующий совокупность представлений о природном и социальном универсуме, не сводим к близким по значению, но не тождественным понятиям «менталитет» и «мировоззрение». В ходе анализа эмпирического материала на основе культурологических, исторических, философских, психологических и лингвистических подходов выявлены и систематизированы древнейшие

---

⁵ Gonzalez-Reimann L. The Mahabharata and the Yugas. – L., 2005. – P. 14.

дийские представления о фундаментальных категориях мироздания (пространстве и времени) в рамках дихотомии «универсальное–уникальное», что позволило определить истоки индийского менталитета и объяснить причины уникальности культуры Древней Индии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы рукописи могут способствовать дальнейшим научным разработкам, связанным с культурологическим, историческим, философским осмыслением социокультурных процессов, происходивших в цивилизациях Древнего мира и Древней Индии в частности. Сведения, представленные в научной работе, могут использоваться при чтении спецкурсов и лекций, проведении практических и семинарских занятий по дисциплинам, соответствующим направлениям подготовки «Культурология», «История», «Философия».

Личный вклад состоит в следующем: проведено исследование пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев, исходя из эпистемологического потенциала культурологии, философии, истории, психологии, лингвистики. В контексте междисциплинарного дискурса осуществлена квалификация концепта «картина мира» как инструмента научных исследований, позволяющего адекватно историческим реалиям определять своеобразие культурного развития народов с мифологическим типом мышления. В центр настоящего исследования поставлена значимая, но мало разработанная в современном историко-культурном знании проблема пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев. На основе актуализации в проблемном поле исследования эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна» выявлены и систематизированы универсальные и уникальные подходы к пониманию пространства и времени населением Древней Индии середины I тысячелетия до н. э. – начала I тысячелетия н. э.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечены актуальностью поставленной проблемы и разносторонностью ее решения при определении исходных теоретико-методологических позиций; комплексностью методологии, адекватной цели и задачам исследования; системным и многогранным освещением пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев через призму эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна», а также источников индоевропейского, семитского и китайского происхождения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепт «картина мира» принадлежит к научному инструментарию междисциплинарных исследований, призванных верифицировать эвристический потенциал культурологии, философии, истории, психологии и лингвистики в обосновании социокультурной идентичности народов доиндустриальной эпохи.

2. Концепт «картина мира» не сводим к близким по значению понятиям «менталитет» и «мировоззрение». Если первая научная категория в ее первоначальном толковании (Школа Анналов) фиксирует первичные интуиции, «умственную оснастку» народа, то вторая – отражает, как правило, отрефлексированные и систематизированные представления об окружающем мире и месте человека в нем. Картина мира, включающая в себя оба эти плана бытия, верифицирует целостную систему представлений населения Древней Индии о природном и социальном универсуме.

3. Пространственно-временные представления древних индийцев логично исследовать в историко-культурном, социокультурном, философско-антропологическом, социально-психологическом, лингвистическом аспектах. Перечисленные аспекты соответствуют отраслям наук, совокупный эпистемологический потенциал и исследовательский опыт которых направлены на реконструкцию системных и целостных культурных феноменов, к числу которых принадлежит картина мира.

4. Вопреки общепринятым представлениям о социально-психологической самобытности древних индийцев, пространственно-временные аспекты их картины мира характеризовались универсальными для мифологического типа мышления чертами: пространство понималось упорядоченным, качественно неоднородным, обособленным и предметно наполненным; время воспринималось дискретным, конкретным, аксиологически неравноценным.

5. Время в картине мира древних индийцев непосредственно сопрягалось с пространством, что создавало эффект его пространственного измерения. Тем не менее, создателям «Махабхараты» и «Рамаяны» удалось зафиксировать процесс постепенного выделения времени в самостоятельную онтологическую единицу, которая определяла различные формы протекания физических и психических процессов.

6. Специфические особенности индийского менталитета с его квиетизмом, созерцательностью, конформизмом, ориентацией на духовный мир (в ущерб практическим знаниям) и готовностью к долгому пути духовных трансформаций коренятся в уникальных, неповторимых в других цивилизациях Древнего мира пространственно-временных рефлексиях древних индийцев.

7. Образы и сюжеты «Махабхараты» и «Рамаяны», идентифицирующие пространственные представления народов индийского субконтинента, указывают на уникальность их социокультурного универсума, которая проявлялась в восприятии и осмыслении пространства в координатах интегративности, пластичности, мобильности (подвижности) и диффузности.

8. Время в картине мира древних индийцев, помимо универсальных механизмов мифологического сознания, регулировалось комплексом уникальных, неповторимых в других цивилизациях Древнего мира пси-

хоэмоциональных установок: вариабельностью, историчностью, лабильностью.

9. Художественный нарратив «Махабхараты» и «Рамаяны» демонстрирует сложность и динамичность пространственно-временных представлений древних индийцев, фиксируя переход от конкретно-образного, чувственного восприятия пространства и времени, являвшегося прямым следствием мифологического типа мышления, к их дифференцированному и абстрактному толкованию, которое предопределило возможность рационально-логического осмысления окружающего мира.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись на заседаниях кафедры философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»; на региональных и международных научно-практических конференциях в Ярославле: всероссийская научная конференция с международным участием «Творческая личность–2015: архетип и имидж» (Ярославль, 2015); всероссийская научно-практическая конференция «Философия и/или новое интегративное знание–5» (Ярославль, 2017); международные научные чтения им. К. Д. Ушинского (Ярославль, 2016–2018). Результаты исследования внедрены в образовательный процесс кафедры философии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». Результаты работы нашли отражение в одиннадцати публикациях, в том числе в пяти, осуществленных в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования России.

Соответствие паспорту специальности. Исследование соответствует паспорту специальности 24.00.01. – теория и история культуры, а именно: п. 1.3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культур; п. 1.4. История культурологических воззрений и понятий, представлений о сущности культуры; п. 1.11. Взаимоотношение универсального и локального в культурном развитии.

Структура работы обусловлена логикой решения поставленных задач и включает в себя введение, три главы, заключение и библиографический список, состоящий из 296 наименований. Общий объем работы – 190 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность проблемы исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определены цель и задачи, объект и предмет, хронологические рамки сочинения, обозначены теоретико-методологические ориентиры, представлен историографический анализ и дана характеристика источниковой базы работы.

Целью первой главы «**Теоретико-методологические основы изучения пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев**» является обоснование эпистемологических оснований и методологических подходов к изучению ключевого для нашего исследования концепта «картина мира».

В первом параграфе «*Актуализация концепта “картина мира” в современном историко-культурном знании*» доказывается, что концепт «картина мира» принадлежит к научному инструментарию, призванному верифицировать культурную самобытность народов доиндустриальной эпохи в историко-культурном, социокультурном, философско-антропологическом, социально-психологическом, лингвистическом аспектах.

Руководствуясь актуальными методологическими тенденциями социально-гуманитарного знания, мы определяем, что историко-культурный аспект предполагает изучение истории как движения, основанного на постепенном, необратимом и направленном изменении от одного культурного состояния к другому. Социокультурный аспект предусматривает выявление фундаментальных онтологических представлений и определение их влияния на повседневную жизнь народов и социальных групп. Философско-антропологический аспект подразумевает целостный анализ человека и его существования в непрерывной и обоюдной связи с социальной средой и природным окружением. Социально-психологический аспект заключается в комплексной характеристике сформированных в коллективном сознании образов мироздания, определяющих характер культурного развития общества. Лингвистический аспект обуславливает анализ языка как «зеркала» исторического сознания культурно-исторической общности. Эти аспекты соответствуют отраслям наук, совокупный эпистемологический потенциал которых детерминирует антропологическое измерение событий, явлений и процессов, происходящих в конкретной цивилизации на том или ином этапе ее существования.

В соответствии с этой познавательной установкой, мы устанавливаем, что картина мира – это система взаимосвязанных представлений о природном и социальном универсуме, сложившаяся в конкретной культурно-исторической общности на определенной ступени ее развития.

Согласно нашим научным изысканиям, картина мира не сводится к близким по содержанию, но не тождественным понятиям «менталитет» и «мировоззрение». Если первая научная категория в ее классическом толковании фиксирует первичные интуиции, архетипы коллективного бессознательного (Ф. Арьес, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф), то вторая, как правило, отражает отрефлексированные и систематизированные представления об окружающем мире и месте человека в нем (Г. Гирц, Ф. Гюиз, Р. Редфильд, Ф. Сустель). В картине мира эксплицированы оба эти плана,

поэтому в ее структуре следует выделять два уровня психических образований – бессознательный и осознаваемый (Б. Ф. Скиннер, К. Г. Юнг).

Первый уровень, бессознательный, не подлежит разумному истолкованию и объяснению. Он состоит из глубинных, интуитивно-чувственных образов бытия, обуславливающих действия человека в мире (этот план близок по смыслу к концепту «менталитет» в его исходном варианте). Второй уровень картины мира, осознаваемый, характеризует рефлексии и ценностные доминанты общества, их смыслы и значения, которые определяют характер социокультурной динамики. Этот план близок к трактовке понятия «мировоззрение».

Логично, что в свете выявленных структурных особенностей картины мира ее содержание нельзя сводить только к совокупности бессознательных образов мироздания (А. Ф. Григорьев, С. В. Лурье, А. Я. Флиер) или комплексу социальных представлений (О. В. Первушина, А. Д. Хуторянская). Картина мира гораздо шире, она охватывает в системе различные категории человеческого мировосприятия, которые мы подразделяем на две группы: онтологические категории (пространство, время, изменение, причина, судьба, число, отношение частей к целому, отношение чувственного к сверхчувственному) и антрополого-социальные категории (восприятие посюстороннего и потустороннего, природного и человеческого; аксиологические императивы жизни, смерти, возраста, гендерной идентичности, социального происхождения, общественной структуры, власти, права, истории, труда, семьи).

Нами отмечается, что решающую роль в формировании картины мира играют социальные установки, посредством которых воспринимаются и осмысливаются все события, явления и процессы окружающего мира. Однако это не отменяет влияния на картину мира индивидуальных рефлексий выдающихся личностей, как это доказали (и мы их поддерживаем) И. П. Вейнберг, А. Я. Гуревич, Г. С. Кнабе, И. С. Кон.

Во втором параграфе *«Историко-культурный дискурс пространственно-временных аспектов картины мира древних индийцев»* характеризуются научные традиции изучения онтологических представлений древних индийцев, принятые в культурологии, философии, истории, психологии и лингвистике. Руководствуясь сферой научных интересов ученых и теоретико-методологической оснасткой их исследований, мы подразделяем анализируемые работы на три группы.

Первую группу составляют сочинения, посвященные изучению пространственно-временных представлений народов Древнего мира и Раннего Средневековья. Поэтому классические труды по проблемам раннесредневекового менталитета М. Блока, Ф. Броделя, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа и других дополняются исследованиями отдельных аспектов мифологического сознания (И. П. Вейнберг, А. Я. Гуревич, Ф. Гюиз, В. Б. Иор-

данский, И. С. Клочков, Г. С. Кнабе, И. С. Кон, Е. М. Мелетинский, А. В. Подосинов, В. Н. Топоров, Г. Франкфорт, К. Г. Юнг и другие).

Мы устанавливаем, что в трудах перечисленных авторов основной акцент делался на репрезентации типичных форм восприятия эмпирической действительности. Поэтому пространство и время как взаимосвязанные категории бытия эксплицировались в парадигме универсальных характеристик мифологического типа мышления: качественной неоднородности, образности, метафоричности, конкретности и дискретности.

Вторую группу научных трудов формируют работы, посвященные изучению древнеиндийской цивилизации (в том числе, мировоззрению и менталитету народов индийского субконтинента).

В рамках проведенной аналитической процедуры выясняется, что в ориенталистских сочинениях Р. Г. Бхандаркара, А. И. Вострикова, Р. Генона, Д. Доусона, Р. Ч. Датта, Д. Д. Косамби, В. Лала, В. Г. Лысенко, М. Мюллера, Д. Наороджи, С. Ф. Ольденбурга, А. М. Пятигорского, С. Д. Серебряного, В. А. Смита, Д. Е. Фурмана, С. Уолперта, Ф. И. Щербатского и других выявлялись специфические компоненты национального характера индийцев, которые позволяли концептуализировать пространство категорий синкретизма, а время осмыслять идеей «пустотности» (*śūnyatā*).

Критикуя авторов ориенталистских трудов за тенденциозность, представители новой культурной истории: Н. В. Александрова, М. Ф. Альбедиль, Е. Ю. Ванина, И. П. Глушкова, Д. Кей, Д. Н. Лелюхина, С. Таммита-Дегольда, С. Уолперт и другие – изучали специфику древнеиндийской цивилизации через призму понятия «менталитет». В связи с этим, М. Альбанезе, А. Бэшем, У. Мортимер доказали, что индийский менталитет основывается на ощущении беспредельности пространства и бесконечности времени, тогда как отечественные ученые, которые анализировали пространственно-временные представления древних индийцев в социокультурном контексте, пересмотрели отдельные ориенталистские штампы о сущности древнеиндийского мировосприятия: суждение о статичности древнеиндийского образа пространства (М. Ф. Альбедиль) и концепция антиисторичного характера древнеиндийского образа времени (Е. Ю. Ванина).

В работах К. А. Антоновой, А. Ч. Банерджи, А. М. Дьякова, Г. Ф. Ильина, А. М. Осипова и других была эксплицирована марксистская модель древнеиндийской онтологии: на стадии присваивающего хозяйства народы Древнего Индостана воспринимали окружающий мир дискретным и качественно неоднородным; на стадии производящего хозяйства – гомогенным и бесконечным (К. З. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин, Е. М. Медведева и др.). Кроме того, отдельные ученые-марксисты замечали корреляцию вышеприведенных способов ощущения бытия с варнокастовой организацией общества Древней Индии: брахманы и кшатрии оперировали абстрактными категориями мироздания; представления

вайшийев и шудр имели конкретно-образный характер (Н. Р. Гусева, С. Гхош, Д. П. Мукерджи).

Третью группу научных трудов комплектуют исследования, затрагивающие проблему пространственно-временной направленности сюжетов «Махабхараты» и «Рамаяны» (Я. В. Васильков, М. Винтерниц, П. А. Гринцер, Р. Н. Дандекар, С. Л. Невелева, Р. Тхапар, А. Хольцман, Г. Хопкинс, Д. Шулман, М. Эдвардс, М. Элиаде, Г. Якоби и другие).

Мы определяем, что в работах ученых первой четверти XX в.: М. Винтерница, А. Хольцмана, Г. Хопкинса, Г. Якоби – древнеиндийская онтология затрагивалась частично, лишь в контексте функционирования отдельных эпических лексем – *dis* (стороны света), *pavcatapas* (окружающий мир), *samantat* (вокруг), *sarvatas* (езде), *yuga* (век), выразивших аксиологически неравноценные, конкретные и дискретные координаты пространства и времени. Однако во второй половине XX в. предметом острых дискуссий становится вопрос о сущности времени в «Махабхарате» и «Рамаяне»: одни ученые представляют эпическое время замкнутым, дискретным и внеисторичным (Я. В. Васильков, П. А. Гринцер, Р. Н. Дандекар); другие – акцентируют его однородность, бесконечность, линейность и корреляцию с идеей истории (С. Л. Невелева, Р. Тхапар, Д. Шулман).

Историографический анализ доказывает, что проблема пространства и времени в картине мира древних индийцев исследована фрагментарно. Об этом свидетельствует не только относительно слабая разработанность древнеиндийской онтологии, но и методологические «лакуны»: ученые практически не учитывали эвристические возможности концепта «картина мира», нередко (I и II группы ученых) игнорировали эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна» и, в целом, подходили к категориям пространства и времени с узкоспециальных позиций.

Во второй главе **«Пространственно-временные аспекты картины мира древних индийцев: парадигма универсальности (по эпосам “Махабхарата” и “Рамаяна”»)** при помощи компаративного анализа выявляется и обосновывается универсальность онтологических представлений древних индийцев.

В первом параграфе **«Пространственные представления древних индийцев в парадигме универсальности»** раскрывается типологическая общность их пространственных ощущений.

Актуализируя в проблемном поле исследования тексты «Махабхараты» и «Рамаяны», мы констатируем, что пространство в картине мира древних индийцев обуславливалось категорией упорядоченности, которая предполагала восприятие окружающего мира не в виде континуума, а в образе строго упорядоченной системы, в которой все элементы макро- и мезокосма координируются главным структурообразующим центром – «оплотом» (*skambha*) Вселенной: «мировой горой» Меру (*naga Meru*), «ми-

ровым деревом» Шьямой (*naga Syāma*), столицей государства (*desa*) или царским дворцом (*prasada*) [Mhb. II. 15, Rām. I. 66. 18, Mhb. VI. 77. 12].

Относительно данных фокусирующих точек определялась качественная неоднородность пространственного универсума, которая проявилась в классификации окружающего мира аксиологически неравноценными и в своей основе антагонистическими сегментами бытия – «своей» (*sva*), освоенной, территорией и «чужой» (*para*), неизвестной, землей [Mhb. II. 11. 34, Rām. II. 41. 11].

Мы также выясняем, что пространство всегда воспринималось как строго обособленная категория бытия. Обособленность выражала представление о том, что все значимые структурные части универсума – от Вселенной (*jagat*) и сторон света (*dis*) [Mhb. IV. 24. 18–20] до храма (*devakula*) и отдельного жилища (*asraya*) [Rām. II. 13. 24] – являлись ограниченными, автономными и самобытными объектами, между которыми не существовало прямой коррелятивной связи.

При этом в основе подобного мироощущения лежала идея предметной и событийной наполненности окружающего мира – его конкретности. В контексте «Махабхараты» и «Рамаяны» это означало, что индоарийское и автохтонное население индийского субконтинента видело пространство только там и только тогда, где и когда существовали определенные события и предметы [Mhb. V. 5. 1, Rām. I. 13. 7].

Во втором параграфе **«Временные представления древних индийцев в парадигме универсальности»** выявляются типичные черты восприятия времени автохтонным и индоарийским населением Древнего Индостана.

В связи с поставленной задачей мы фиксируем, что носители древнеиндийской культуры воспринимали время дискретным. Природно-географические и религиозно-этические образы «Махабхараты» и «Рамаяны»: движение небесных светил, чередование суточных ритмов, праздник и жертвоприношение – подтверждают это [Mhb. I. 1. 165, Rām. I. 18. 29].

«Прерывистость» времени порождала его предметно-событийную конкретность. Идея конкретности эксплицировала одно фундаментальное ощущение, свойственное всем народам Древнего мира: время может существовать только в непосредственной связке с определенными событиями и предметами, выражающими потенциальную возможность бытования мира [Mhb. IV. 14. 89, Rām. III. 13. 55].

Помимо этого, в картине мира древних индийцев выделялось представление о качественной неоднородности времени. Оно нашло свое выражение в бинарных оппозициях, «рассекавших» временной поток на амбивалентные части – время «благоприятное» (*anukula*) и «неблагоприятное» (*pratikula*) [Mhb. I. 85. 30], время «человеческое» (*manuḥa*) и «нечеловеческое» (*amanuḥa*) [Rām. II. 18. 13].

Взяв во внимание поздние пласты «Махабхараты» и «Рамаяны», мы доказываем, что выявленные универсальные показатели времени связывались с понятием аритмичности, которая проявлялась в идее «порчи» мироздания в историко-мифологической перспективе [Mhb. V. 58. 3], асимметричном движении времени в различных пространственных пластах [Rām. IV. 17. 22], зависимости восприятия временного потока от словной принадлежности героев эпоса [Mhb. III. 153. 29].

Итак, в рамках II главы нам удастся обосновать идею о том, что культурная самобытность народов Древнего Индостана (на которую указывали практически все ученые социально-гуманитарной направленности) не исключала ориентации их картины мира на комплекс универсальных, характерных для всех народов Древнего мира способов восприятия и осмысления пространства и времени.

Целью третьей главы «**Пространственно-временные аспекты картины мира древних индийцев: парадигма уникальности (по эпосам “Махабхарата” и “Рамаяна”)**» является верификация локальных способов восприятия окружающего мира, свойственных народам Древней Индии в середине I тысячелетия до н. э. – начале I тысячелетия н. э.

В первом параграфе «**Пространственные представления древних индийцев в парадигме уникальности**» квалифицируется комплекс специфических способов их пространственной ориентации.

Первой и определяющей чертой восприятия пространства являлась интегративность. Она предполагала органичное взаимодействие многочисленных, «открытых» для перекодирования версий мироздания, включавших в себя многовековой опыт их толкования «священными» книгами вед, брахман и упанишад, а также натуралистической философией вайшешики [Mhb. III. 24. 17, Rām. V. 22. 7].

Синкретизм пространственных традиций предопределил пластичность бытия, проявившуюся в содержательно-оценочных измерениях горизонтально-вертикальных проекций мироздания [Mhb. X. 13. 44, Rām. VII. 19. 44].

Так, ранние пласты «Махабхараты» и «Рамаяны» (середина I тысячелетия до н. э.) дифференцировали природно-социальный универсум тремя сферами, координировавшимися универсальной космической силой, ритой (*ṛta*): небом (*dyaus*), воздушным пространством (*antariksa*) и землей (*prthivī*). Поздние сюжеты эпосов (начало I тысячелетия н. э.) классифицировали вертикальную проекцию мироздания небесами (*svarga-loka*), миром людей (*bhūmi-loka*) и подземельем (*pātāla-loka*), акцентируя закон кармы (*karma*). При этом первой космологической модели соответствовал четырехчастный горизонтальный универсум, вобравший в себя аксиологически неравноценные стороны света (север, юг, запад и восток). Поздняя версия мироздания соотносилась с восьмичастной моде-

люю нижних «этажей» Вселенной, где уже начинали выделяться промежуточные стороны света (к примеру, северо-восток).

Помимо интегративности и пластичности, мы выделяем в картине мира древних индийцев категорию мобильности. Наиболее ярко мобильность проявилась в смещении сакральных координат «Махабхараты» и «Рамаяны» по вертикальной оси мироздания – от почитания храма (*devakula*), фокусирувавшего социальный универсум «вверх», к сакрализации жилища (*asraya*), направлявшего религиозно-этические ценности «вниз» [Мhb. XII. 12. 18]. Наряду с этим, векторная подвижность пространственных представлений соотносилась с религиозными практиками героев национального эпоса. В поздних пластах эпических произведений укрепляется ценность мирских «путей богопознания», которые осуществлялись в противовес древнейшим ритуалам и практикам, направленным «вверх», к небожителям [Rām. II. 14. 17].

«Подвижный» характер пространства в картине мира древних индийцев также постулировал его диффузность. Вследствие этого, «Махабхарата» и «Рамаяна» концентрировали природно-географическую среду образами океана (*sindhu*) и леса (*vana*). Первый пространственный сегмент отождествлялся с представлениями о божественном Абсолюте, второй – предопределялся негативными коннотациями, усилившимися по мере выделения человека из мира природы [Мhb. III. 16. 27, Rām. I. 87. 40].

Во втором параграфе **«Временные представления древних индийцев в парадигме уникальности»** обосновывается, что специфика пространственных ориентиров автохтонного и индоарийского населения Древнего Индостана накладывала отпечаток на его временные представления.

«Махабхарата» и «Рамаяна» эксплицируют одно из определяющих свойств древнеиндийского восприятия времени: вариабельность, которая фиксировала существование и органичную взаимосвязь трех планов бытия – прошлого (*para*), будущего (*anagata*) и настоящего (*bhavya*) [Мhb. XII. 15. 28].

В основе древнеиндийского мировосприятия лежало прошлое (*para*), которое служило источником предметно-событийных процессов будущего (*anagata*) и настоящего (*bhavya*). Семантическое наполнение *para* строго соответствовало ключевым историко-мифологическим этапам космогенеза: оно могло принимать очертания то «золотого века» (*krta yuga*), то первобытного хаоса (*asat*). Категория будущего (*anagata*) представляла собой реализацию последствий действий индивида/общества в прошлом (*para*). Аксиологические показатели будущего времени также детерминировались образами либо «золотого века» (*krta yuga*), либо первобытного хаоса (*asat*). Что касается настоящего (*bhavya*), то оно носило фрагментарный характер. Его специфические очертания опосредовались содержательными императивами других временных форм. Поэтому ценностные доминанты *bhavya* интерпретировались религиозно-

философскими традициями «Махабхараты» и «Рамаяны»: санкхья и йога подчеркивали позитивные смыслы данного временного «отрезка», джайнизм и буддизм акцентировали его негативные черты.

Вариабельный характер древнеиндийского образа времени детерминировал его историчную направленность [Rām. I. 2. 31]. Коррелируя с временной ориентацией древних индийцев, она противостояла историзму, оперировавшему идеей объективно завершенного прошлого, и представляла историю как движение, в центре которого находится сам человек. Поэтому историчность времени выражала уникальную для доиндустриальной эпохи ситуацию: народы индийского субконтинента использовали сюжеты мифологической древности ровно в той мере, в какой они отвечали духовным потребностям настоящего (*bhavya*) и конструированию образов будущего (*anagata*).

Помимо вышеперечисленного, время координировалось категорией мобильности, которая постулировала отсутствие единой «концепции» времени и фиксировала его разделение на две формы – *cakra* и *kāla*. С одной стороны, «Махабхарата» и «Рамаяна» координировали время циклическими моделями – *cakra*. Они были изоморфны социально-политическим, общественно-экономическим и духовным ориентирам «коллективной личности» Древней Индии [Mhb. I. 5. 11]. С другой стороны, эпосы могли оперировать идеей поступательного, линейного вектора развития времени – *kāla*, которая проявлялась в историко-мифологических и антропологических представлениях древних индийцев [Rām. I. 68. 6].

В соответствии с проделанной работой мы резюмируем, что пространственно-временные аспекты картины мира древних индийцев обусловливались парадигмой уникальности, которая предопределила формирование своеобразного индийского менталитета с его созерцательностью, квиетизмом, конформизмом и ориентацией на духовный мир (в ущерб практическим знаниям), а это, в свою очередь, «программировало» уникальность и неповторимость цивилизационного развития Древней Индии.

В Заключение подводятся итоги исследования и формулируются выводы, в которых подчеркивается, что концепт «картина мира» принадлежит к научному инструментарию интегративного социально-гуманитарного знания, призванного верифицировать фундаментальные социально-психологические реакции народов с мифологическим типом мышления одновременно в историко-культурном, социокультурном, философско-антропологическом, социально-психологическом, лингвистическом аспектах. В рамках этой дефиниции установлено, что картина мира, фиксирующая систему исторически обусловленных представлений о природном и социальном универсуме, не сводима к понятиям «менталитет» и «мировоззрение». На основе актуализации в проблемной области исследования эпических произведений «Махабхарата» и «Рамаяна» выявлены

и систематизированы определяющие способы восприятия пространства и времени древними индийцами одновременно в парадигмах их универсальности и уникальности. Это позволило определить истоки индийского менталитета и обосновать причины специфики цивилизационного развития Древней Индии. По нашему мнению, они детерминированы уникальными пространственно-временными аспектами картины мира древних индийцев.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Поликарпов, С. С. Специфика временных ориентиров картины мира древних индийцев [Текст] / С. С. Поликарпов // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – №1. – С. 155–161. 0,5 п.л. *(Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).*

2. Поликарпов, С. С. Направленность времени в картине мира древних индийцев (по эпосам «Махабхарата» и «Рамаяна») [Текст] / С. С. Поликарпов // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – №2. – С. 191–198. 0,5 п.л. *(Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).*

3. Поликарпов, С. С. Пространственные ориентиры картины мира древних индийцев: парадигма уникального [Текст] / С. С. Поликарпов // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – №6. – С. 337–343. 0,5 п.л. *(Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).*

4. Поликарпов, С. С. Научная репрезентативность концепта «картина мира» в контексте исследований древних и раннесредневековых обществ [Текст] / С. С. Поликарпов // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – №6. – С. 296–303. 0,5 п.л. *(Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).*

5. Поликарпов, С. С. Аксиологическое содержание сторон света в горизонтальной проекции картины мира древних индийцев (по материалам поэмы «Рамаяна») [Текст] / С. С. Поликарпов // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – №4. – С. 210–215. 0,5 п.л. *(Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ).*

Другие публикации

6. Поликарпов, С. С. Направленность времени в картине мира древних индийцев [Текст] / С. С. Поликарпов // Философия в современном образовательном пространстве: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 44–48. 0,25 п.л.

7. Поликарпов, С. С. Темпоральные модели картины мира древних индийцев (по материалам национального эпоса «Махабхарата» и «Рамаяна») [Текст] / С. С. Поликарпов // Вопросы отечественной и зарубежной

истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 40–45. 0,25 п.л.

8. Поликарпов, С. С. Концепт «картина мира» в социально-гуманитарном знании / С. С. Поликарпов // Философия в современном образовательном пространстве: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 12–16. 0,25 п.л.

9. Поликарпов, С. С. Сущностные характеристики картины мира в контексте философского знания [Текст] / С. С. Поликарпов // Философия и/или новое интегративное знание-5. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 198–202. 0,25 п.л.

10. Поликарпов, С. С. Антропологические представления древних индийцев (по эпосу «Рамаяна») / С. С. Поликарпов // Философия в современном образовательном пространстве: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 22–26. 0,25 п.л.

11. Поликарпов, С. С. Царская власть в картине мира древних индийцев (по эпосу «Рамаяна») [Текст] / С. С. Поликарпов // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 16–20. 0,25 п.л.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 1.5
Тираж 100 экз. Заказ № 132
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1
Типография ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Которосльная наб., 44.